

УДК 94 (57)

Сибирь как колонизируемая окраина Российской империи (XIX – начало XX века)

К.А. Соснерж

Иркутский государственный университет, ул. К. Маркса 1, Иркутск, Россия
kibratsk@gmail.com

Статья поступила 11.04.2019, принята 23.05.2019

Рассматривается модель интеграции сибирского региона в общероссийское политико-административное и экономическое пространство с целью формирования территорий для переселенческого фонда. В статье показана эволюция системы управления регионом от политики невмешательства, проводившейся до 20-х гг. XIX в., к управлению по крестьянскому образцу с последующим подчинением коренных жителей Сибири крестьянским учреждениям и установлениям.

Ключевые слова: Сибирь; земледельческая колонизация; окраинная политика Российской империи; коренные народы Сибири.

Siberia as colonized outskirts of the Russian Empire (XIX – the early XX centuries)

K.A. Sosnerzh

Irkutsk State University; 1, K. Marx St., Irkutsk, Russia
kibratsk@gmail.com

Received 11.04.2019, accepted 23.05.2019

The model of integration of the Siberian region into the all-Russian political-administrative and economic space for the purpose of formation of territories for resettlement Fund is considered. The article shows the evolution of the management system of the region from the policy of non-interference carried out until the 20s of the XIX century to the management of the peasant model, followed by the subordination of the indigenous inhabitants of Siberia to peasant institutions and establishments.

Keywords: Siberia; agricultural colonization; periphery policy of the Russian Empire; indigenous peoples of Siberia.

Территория Российского государства оформилась в результате длительного и весьма противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав России, различались по уровню своего экономического развития, природно-климатическим и ландшафтными характеристикам. С присоединением каждой новой территории перед правительством вставал вопрос об управлении и внедрении этой территории в общероссийское правовое и административное пространство. При решении данного вопроса в правительственных кругах постоянно происходили столкновения между сторонниками жесткой регламентации управления окраинами и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий. Несогласие сторон явилось причиной противоречивой и непоследовательной политики в отношении окраин на протяжении всего существования Российской империи [5, с. 24]. Как

отмечает Л.М. Дамешек, с вхождением Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью, а отношение правительства к коренному населению определялось на первых порах фискальными интересами. Объявив себя собственником земли, российская власть сохранила значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечив таким образом казну регулярными поступлениями ясака (пушнины) [Там же, с. 25].

В защиту своих протекционистских интересов правительственные указы до 20-х гг. XIX в. требовали не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли. Однако вскоре на территории сибирских окраин Российской империи встал вопрос о реформе управления. Причиной этому явился непрекращающийся поток жа-

лоб о различных злоупотреблениях сибирских чиновников, которые взимали с местных жителей двойные поборы, превращая их в вечных должников казны, что подрывало платежеспособность коренного населения и негативно сказывалось на отношениях с представителями российской администрации. Также в связи с этим правительство стремилось повысить резко сократившийся к началу XIX в. бюджет сибирского региона, который являлся важной статьёй государственного дохода.

В 1819 г. М.М. Сперанским была проведена ревизия управления Сибирским краем, в результате которой к следствию было привлечено около 260 родоначальников за различные нарушения и злоупотребления властью [7, с. 85].

Главным итогом ревизии и реформ Сперанского в сибирском регионе исследователи Л.М. Дамешек и А.В. Ремнев называют «Устав об управлении инородцев» — один из важнейших памятников законодательной деятельности Российской империи в Сибири. В данном случае «Устав...» (1822) дает возможность понять, какое место российское правительство отводило коренным народам в социально-экономическом развитии Сибири и всей России в целом. Важно отметить, что на момент принятия «Устава...» в сибирском регионе уже укрепилась тенденция к капиталистическому развитию, но коренные народы в силу своего хозяйственного уклада не смогли приспособиться к новым реалиям экономического устройства.

Согласно «Уставу...», коренное население было поделено на три разряда — «оседлые», «кочевые» и «бродячие». Первые приравнивались в правах и обязанностях, за исключением воинской повинности, к категории государственных крестьян. «Кочевые» и «бродячие» приравнивались к крестьянам лишь в отношении налогов, сохраняя самостоятельность в управлении и суде. Конечной целью поразрядной системы был переход «кочевых» и «бродячих» в разряд «оседлых» и, как следствие, их естественное сближение с русским населением.

Стоит отметить, что поразрядная система «Устава...» не всегда соответствовала уровню и типам хозяйственного развития народов Сибири, так как местное чиновничество, приводившее «Устав...» в исполнение, как правило, не желало учитывать особенности хозяйственного развития народов и насильственным путем распределяло инородцев по разрядам, что негативно сказывалось на материальном положении нерусского населения [8].

Наряду с этим переход от кочевого образа жизни к оседлому и естественное сближение коренного населения с русским имели положительный эффект в плане распространения земледелия в хозяйстве инородцев и в целом для развития хлебопашества. Исследователь Л.И. Светличная, опираясь на данные П.М. Головачева и С.С. Шаш-

кова, приводит следующие цифры: если в 1823 г. в Иркутской губернии вспахивали более 55 тыс. десятин земли и собирали более 160 тыс. четвертей хлеба, то в 1830-х гг. засеивалось около 85 тыс. десятин, а в 1880-х гг. — более 200 тыс. десятин [11].

В основу административной реформы кочевых народов Сибири М.М. Сперанский заложил родовой принцип, упорядочив его и разбив на три ступени:

- родовое управление — низшая ступень для отдельных улусов и стойбищ рода (не менее 15 семейств);

- инородная управа — средняя ступень, состоявшая из нескольких стойбищ и улусов или нескольких родовых управлений;

- степная дума — высшая ступень, административная единица, состоявшая из нескольких родовых управлений или инородных управ.

Действия родового управления находились под контролем инородной управы. Родовые управления и инородные управы, в свою очередь, контролировались степной думой.

Таким образом, на основе бюрократического принципа формирования местной администрации в период с 1824 по 1917 гг. на территории Иркутской губернии и Забайкальской области было учреждено 12 степных дум и более 50 инородных управ.

В своих исследованиях Л.М. Дамешек рассматривает законодательную политику Российского государства в отношении коренных народов Сибири в первой половине XIX в. как защиту фискальных интересов самодержавия, так как переход кочующих инородцев на более высокую ступень хозяйственного уклада подразумевал и переход на более высокий оклад государственных крестьян. Таким образом, автор приходит к выводу, что в административной практике Российской империи по отношению к коренному населению в пореформенный период можно наблюдать эволюцию от политики невмешательства, проводившейся до 20-х гг. XIX столетия, к управлению по крестьянскому образцу.

Основные положения «Устава...» были подтверждены в 1852 г. вторым Сибирским комитетом, задача которого заключалась в составлении более удобной для российского правительства программы ясачного сбора, привлечения кочевых народов к оседлости и дальнейшего подчинения оседлых инородцев общим крестьянским учреждениям и установлениям.

В целом можно отметить, что в течение 40–50-х гг. XIX в. активно шел поиск новых форм сближения крестьянского и инородческого самоуправления, а также все чаще стал подниматься вопрос о полном подчинении коренного населения российскому законодательству.

С принятием реформы 1861 г. в России окончательно утверждается капиталистический тип производства. Однако, как отмечает Л.М. Дамешек, это не означало полное отсутствие в пореформенный период каких-либо факторов, сдерживающих рост капитализма в стране. Одно из доказательств этому — сохранение крепостнических пережитков, которые впоследствии отразились на развитии аграрного сектора в Сибири.

В 1880-х гг. российским правительством особое внимание уделялось роли и месту коренного населения в социально-экономическом развитии зауральского региона. Всевозрастающее стремление к слиянию коренного населения с русским закрепилось в проекте реформы административного управления генерал-губернатора Иркутской губернии А.П. Игнатъева. Главной целью проекта было «обрусение инородцев» путем введения нового аппарата чиновников по типу земских начальников в Европейской России, но с более широкими функциями, и постепенной унификации управления крестьянским и коренным населением.

Данные мероприятия были связаны прежде всего с подготовкой землеустроительных работ и массовым переселением крестьян в Сибирь, темпы которого значительно возросли. Ссылаясь на исследования Л.М. Горюшкина, Л.М. Дамешек приводит следующие данные: если в период с 1861 по 1885 гг. в Сибирь ежегодно переселялось около 12 тыс. чел., то в 1886–1895 гг. — свыше 39 тыс. чел.

Образовать переселенческий фонд планировалось путем изъятия значительных земельных наделов у инородцев, объявив земли, которые они занимали, собственностью казны и кабинета. В результате в рамках такого подхода была разработана целая серия законодательных актов, регламентирующих вопросы землепользования коренного населения Сибири [6, с. 138–144].

Таким образом, дальнейшая судьба этих законопроектов, как отмечает Л.М. Дамешек, находилась в неразрывной связи с разработкой правительством аграрной политики для Европейской России, с одной стороны, и процессом развития капитализма вширь — с другой.

В конце XIX в. европейскую часть России постигли неурожайные годы и, как следствие, массовый голод населения. В результате в 1891–1892 гг. правительство было вынуждено пересмотреть действующее законодательство о крестьянах Европейской России.

Именно в этот момент генерал-губернатор Иркутской губернии А.Д. Горемыкин представил в министерство государственных и земельных имуществ свой проект «Положение о поземельном устройстве в Иркутской и Енисейской губерниях». Важно отметить, что А.Д. Горемыкин был

сторонником землеустройства как оседлых, так и кочевых жителей, что и определило его позицию в вопросах земельного устройства в представленном им проекте.

Несмотря на разногласия А.Д. Горемыкина с министром государственных имуществ А.С. Ермоловым по вопросу распространения землеустроительных работ на кочевые народы, Государственный совет принял решение о включении последних в сферу действия законопроекта.

23 мая 1896 г. утвержденное Николаем II положение «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев» приобрело силу закона, а в июне 1898 г. были утверждены «Правила о порядке определения земельных наделов», предполагающие возможность приостанавливать отвод наделов у кочевых жителей, «поземельное устройство которых по условиям их быта будет преждевременным» [6, с. 141]. Такой отход от традиционной практики перевода кочевников в разряд оседлых Л.М. Дамешек объясняет опасением потенциально возможных антиправительственных выступлений жителей Сибири.

Основные положения закона о поземельном устройстве крестьян и инородцев были следующими:

- земельные наделы отводились в пользование, а не в собственность;
- на право пользование землей выдавалась «отводная запись», фиксирующая размер земельного надела (15 десятин «на наличную мужского пола душу») и повинность за него;
- за пользование землей взималась государственная оброчная подать (19 января 1898 г. вступил в силу закон «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями»);
- лесные наделы отводились «по мере возможности» в размере трех десятин на душу и облагались особым лесным налогом [10].

Стоит отметить, что содержание закона исходило из идеи о собственности казны на земли, занимаемые крестьянами и инородцами, хотя в законе это открыто не указывалось. Отмечая данный момент в своих исследованиях, Л.М. Дамешек ссылается на мнение Г.А. Корневой, что такой подход был вызван некоторым опасением законодателей «слишком категоричной формулировки закона», которая могла спровоцировать противодействие крестьян, привыкших считать землю своей собственностью на основании обычного права.

Таким образом, согласно законодательным актам 1896 и 1898 гг. землеустройству, наряду с русскими крестьянами, подлежало нерусское оседлое и кочевое население Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний (кроме Забайкальской области). Наделы отводились сельским

обществам и инородцам, не принадлежавшим к разряду «бродячих». В последующий период практическая реализация программы землеустройства повлекла за собой необходимость принятия ряда частных нормативных актов, дополняющих и конкретизирующих общие положения аграрных законов конца XIX — начала XX вв. Всего за период 1905–1917 гг. было принято более двух десятков актов, относящихся к землеустройству коренного населения Сибири [6, с. 148]. Так, особенно после первой русской революции, правительство стремилось защитить интересы своей переселенческой политики, связанные с выселением из центральных частей России «беспокойных крестьян».

Наряду с этим в конце XIX — начале XX вв. местные органы власти выступали за проведение реформы управления коренным населением. Старая форма управления уже не соответствовала уровню хозяйственной деятельности и тормозила начавшееся в регионе развитие капиталистических отношений. В 80–90-х гг. XIX в. можно выделить главные политические курсы правительства относительно коренного населения Сибири — введение нового института чиновников для осуществления полного надзора за деятельностью местного самоуправления, а также «обрусение инородцев».

На основе проекта 1889 г. А.П. Игнатъева будущий министр внутренних дел А.Д. Горемыкин в 1892 г. предложил свою программу по введению в Сибири института земских начальников, которая позднее была заложена в основу закона под названием «Временное положение о крестьянских и инородческих начальниках».

С началом реализации закона правительство пришло к выводу о необходимости реформы как местного управления, так и самоуправления для полного слияния коренного населения с русским. Решая этот вопрос, правительство постоянно сталкивалось с необходимостью упразднения учрежденной «Уставом...» и уже весьма неактуальной поразрядной системы, причислив кочевых инородцев к разряду оседлых и подчинив их крестьянским учреждениям. В результате накануне первой русской революции (1899–1902) А.Д. Горемыкин поручил делопроизводителю земского отдела И.И. Крафту разработать проект волостной административной реформы, которая распространялась бы на территории, заселенные коренными жителями, где уже действовало «Временное положение...».

Итогом работы И.И. Крафта стал документ под названием «Правила об управлении инородцами в местностях, на которых распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках», в котором подчеркивалась главная

идея министерства о необходимости опоры не на феодально-родовую знать, а на обуржуазившуюся верхушку инородческого общества.

Проект реформы Крафта был одобрен Сибирской администрацией, за исключением пункта о сохранении, хоть и в ограниченном виде, разряда кочевых инородцев. По мнению администрации, целесообразнее было бы оставить разряд «бродячих», а всех остальных перевести на оседлость. Сама идея унификации местного управления коренным и русским населением была использована лишь после подавления первой русской революции, во время практической реализации решений согласно проекту Крафта. Так, с 1908 г. в ходе проведения волостной реформы кочевые инородцы незамедлительно были переведены в разряд оседлых.

Аграрная политика империи носила противоречивый и непоследовательный характер, что отразилось непосредственно на землеустроительных работах в Сибири. Л.М. Дамешек связывает это, во-первых, с тем, что землеустройство было стержнем, на котором основывались остальные мероприятия, связанные с управлением сибирскими народами, а во-вторых, со сложными процессами вызревания предпосылок крушения романовской империи в национальных районах Сибири.

К 1899 г. был сформирован фонд в размере 18 921 душевой доли для переселенцев. Предполагалось, что заготовленных переселенческих участков хватит на несколько лет. Однако, как заметила Е.Д. Федорова, возросший поток переселенцев привел к значительному сокращению свободных душевых долей. Поэтому в начале XX в. к землеустроительным работам были привлечены незадействованные до этого территории Якутской и Забайкальской областей. Несмотря на волну ходатайств со стороны бурятских ведомств на имя Иркутского генерал-губернатора, в отношении этих областей был разработан и опубликован «План работ переселенческого управления на 1908 г.», предусматривавший широкое включение земель бурятских ведомств в землеустроительные работы. Так, план землеустроительных работ на 1908 г. в пределах Иркутского, Балаганского и Верхотурского округов предусматривал включение в переселенческий фонд 235 тыс. десятин, расположенных преимущественно в бурятских ведомствах. В 1909 г. из земель бурят были запроектированы переселенческие участки в количестве 15 925 душевых долей. Используя источники Российского государственного исторического архива, Л.М. Дамешек приводит следующие статистические данные на 1910 г.: в Иркутском уезде землеустроительными работами были охвачены 20 волостей и

ведомств из 29, в Балаганском — 26 из 35, в Верхотурском — 6 из 19. Планом 1911 г. в пяти ведомствах Балаганского и Верхотурского уездов предусматривалось передать в переселенческий фонд 169 тыс. десятин [6, с. 158–160].

Практическим результатом землеустройства был подрыв скотоводческого хозяйства нерусских народностей. Например, у бурят Забайкальской области число голов скота на 100 душ населения сократилось с 1 170 голов в 1897 г. до 891 головы в 1917 г. (на 26 %), в Иркутской губернии соответственно с 381 до 184 голов (на 51,3 %).

Ввиду непоследовательной и противоречивой политики Российской империи в отношении Сибирской окраины землеустроительные мероприятия среди коренных жителей проводились крайне медленно, что привело к более агрессивному методу внедрения волостной реформы и, как следствие, к активному противостоянию со стороны коренных жителей Сибири.

Литература

1. Головачев П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири // Земледелие. М., 1902. № 2-3. С. 116.
2. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения Сибири периода империализма (1900 – 1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1976. 342 с.
3. Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Местное самоуправление бурят в XIX – начале XX в.: от степных дум к волостным правлениям // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2018. Т. 23. С. 22-35.
4. Дамешек Л.М. «Сделать народы Сибири русскими...» (к вопросу об унификации системы управления русским крестьянским и коренным населением Сибири во второй половине XIX в.) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2017. Т. 19. С. 23-33.
5. Дамешек Л.М. Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 23-29.
6. Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.): моногр. Иркутск: Отгиск, 2018. 456 с.
7. Дамешек Л.М., Ремнев А.В. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 368 с.
8. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 400 с.
9. Корнева Г.А. Разработка закона о землеустройстве 23 мая 1896 г. и вопрос о поземельной собственности в Сибири // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX в – 1917 г.). Красноярск, 1982.
10. ПСЗ-З. Т. 18. № 14908.
11. РГИА ф. 1264, д. 144, л. 144.
12. Федорова Е.Д. Организация переселения крестьян в Иркутскую губернию во второй половине XIX – начале XX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980.
13. Шашков, С.С. Исторические этюды: [в 2 т.]. СПб., 1872. Т. 2. С. 222).